

О ПОЛЬЗЕ НЕПРИТЯЗАТЕЛЬНОСТИ

Независимая газета. — 2000. — 21 сент. — с. 7

Павел Руднев.

УЖЕ НЕСКОЛЬКО лет длится уход Юрия Еремина с поста главного режиссера московского Театра имени Пушкина. Мытарства начались, кажется, с бунта труппы в середине 90-х, когда Еремина попросили. Юрий Иванович, чье режиссерское имя никогда и никем не ставилось под сомнение, тогда нашел поддержку у ныне покойного директора Театра имени Моссовета Льва Лосева, что в случае «поражения» обещал взять Еремина на место худрука Павла Хомского, тогда Лосева не устраивавшего. Еремин же, будучи главным в Театре имени Пушкина, довольно успешно работал в Театре имени Моссовета.

С некоторых пор проблемой несостоятельности Еремина как главного режиссера заинтересовались городские власти, в ведении которых находится Пушкинский театр. Чехарда премьер, частые и продолжительные отлучки Еремина, неважная посещаемость — все вместе привело к тому, что уже и в чиновничьих реестрах «на снос» Театр имени Пушкина — всегда первый, будь то список на сокращение дотаций и количества театров в Москве или же на освобождение здания под свободные площадки. Быть просто хорошим режиссером и быть главным — две разные работы и даже разные профессии. Непонимание этого (или нежелание понимать) иногда приводит к взрывам актерского или директорского недовольства.

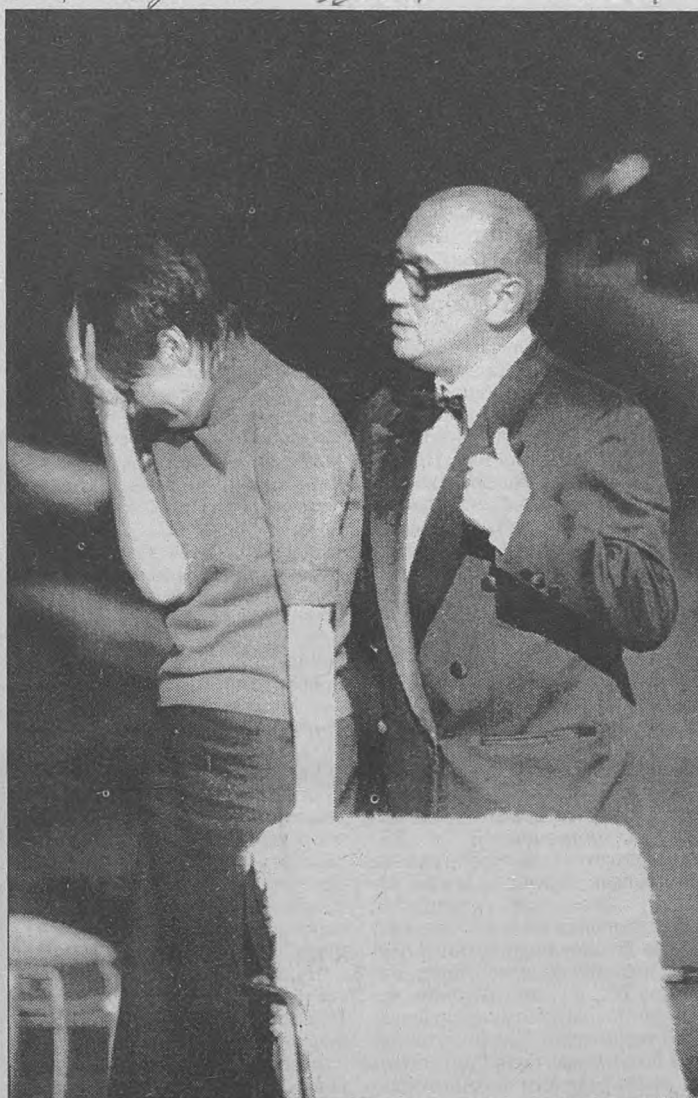
В прошлом сезоне, когда страсти накалились донельзя (особенно после публикации в «НГ» статьи «Проклятое место» от 25.01.2000), прошел сбор труппы, на котором артисты вроде бы уговорили Еремина остаться. А режиссер, в свою очередь, искренне тронутый любовью учеников, будто бы изменил решение, пообещав отказаться от всех своих американских ангажементов. Одна из самых серьезных претензий к Еремину — «светлановский» синдром: педагогическая, а теперь еще и постановочная режиссерская деятельность в США, приносящая стабильный доход, но физически не позволяющая заниматься родным театром. Путь в Америку и обратно, как известно, долг.

Вопреки всему в Комитете по культуре Москвы сегодня утверждают, что формально уход все же состоялся. Отказаться от Америки не удалось.

Как нам стало известно, Павел Хомский уже предложил Еремину место очередного режиссера.

Мы шли на спектакль Юрия Еремина в филиал Театра имени Пушкина «Никто не умирает по пятницам» как на последний его спектакль или по крайней мере последний в его должности главного. В этом контексте любопытным оказался тот факт, что режиссер, клянувшийся, что с Америкой будет покончено, ставит свой последний спектакль по пьесе... Роберта Брустина — руководителя Американского репертуарного театра, человека, который дает Юрию Еремину заработок. Уже не смешка ли это? Над властью... Над актерами, которые было поверили... Над прессой, которая не может этого не заметить...

На друзьях мир держится, конечно, и все бы ничего, если бы спектакль не оказался удручающе невыразительным, как многое из того, что было поставлено

Ли Страсберг решает семейный вопрос.
Фото Михаила Гутермана

в Пушкинском театре за последние годы. Пьеса Роберта Брустина, похожая скорее на ученический этюд по созданию драматической ситуации, вобрала в себе все штампы, все коллизии, все темы американского драматургического стандарта. Здесь жизнь знаменитостей оказывается человеческой несостоятельностью, действие закручивается вокруг сексуальных привязанностей, о силе которых зритель лишь может догадываться (ибо это пуританская Америка не позволяет себе изобразить). Найдется здесь место и наркотикам, и Эдипову комплексу, и семейному вопросу. Общая интонация драмы — классическая американская истерика, что развивает одну-единственную коллизию из «Дяди Вани»: скромный, будничнейший бунт людей, которые не состоялись, как им кажется, по чьей-либо вине. Не состоялся у Брустина великий американский педагог Ли Страсберг (Владимир Николенко), к концу жизни ставший неустрашимым, «делавший актеров и разрушавший семью»; не состоялась Мэрилин Монро (Екатерина Сибирякова), полужвезда-полунаркоманка-полудуб...; не состоялась жена Страсберга — Пола (Наталья Николаева), превращенная мужем из актрисы в домохозяйку; не состоялся сын Джон (Евгений Писарев), ревнующий отца и к Мэрилин, и к таланту, и к его работоспособности (в обоих предыдущих поводах к ревности).

Перед началом спектакля в фойе ненавязчиво демонстрируют кадры из фильмов с Монро. О ней и будет спектакль, ровным счетом ничего не добавляющий к уже известному российскому публике образу. Ну разве что мы узнаем о том, что Мэрилин глотала «колеса», не умела сливать воду в унитазе и была неразборчива в любви, что Теннесси Уильямс был гомосексуалистом, а

Артур Миллер и Ли Страсберг — ортодоксальными американскими евреями. Что нам Мэрилин Монро? Что нам Ли Страсберг? Что соединяет нас? Разве лишь мысль о том, что все гении — неважные люди?!

Груда отрицательных свойств, которыми наделен брустинский Ли Страсберг, дополняется и еще одним «приемом», которым уже и в студенческих капустниках пользоваться зазорно, — режиссер, внедривший систему Станиславского в практику американского театра, кричит собственной дочери-актрисе (Инга Ильм): «Не верю!» и просит повторить сцену дочерней нежности. Мифическая фраза Станиславского кажется единственной, что задержалась в памяти Роберта Брустина от образа нашего великого соотечественника. В данном случае можно говорить о целой цепочке последовательных «снижений»: Станиславский — Страсберг — Брустин. В режиссерских талантах последнего (в их отсутствии?) мы имели возможность убедиться, когда та самая святая мужская дружба заставила включить спектакль Брустина и руководимого им Американского репертуарного театра в афишу прошлого Международного театрального фестиваля имени Чехова. Скупнейшие «Шесть персонажей в поисках автора» в режиссуре Брустина, которыми открывался фестиваль, тогда не просто расстроили, но — возмутили.

К окончанию спектакля фуршетный столик стоял прямо в фойе, но никто из администраторов не отгонял посторонних от угощения — таковых явно не ожидалось. Театру имени Пушкина пригодился камерный филиал — у большого театра всегда найдется 40–50 «бесплатных» гостей. (Здесь же, кстати, прошла в декабре и другая премьера Пушкинского театра — «Безу-

мие любви» Сэма Шеппарда в режиссуре аспиранта из США Дмитрия Трояновского. В истории постановки того спектакля, который был значительно лучше брустинского, кажется, тоже можно обнаружить след личных отношений.)

Остается надеяться, что актерам, которые честно и героически пытаются разобраться в драме, перепадет что-нибудь от местного предприятия Еремина и Брустина, и они тоже смогут открыть какой-нибудь крупный фестиваль и увидеть ту самую сладкую Америку, которой так сложно сказать гуд бай.

На следующий день в Театре имени Пушкина играли «Старомодную комедию» Алексея Арбузова — предпоследний спектакль Юрия Еремина, поставленный в марте сего года, о чем большинство газет в то время умолчали. И, оказалось, зря.

Недоброму глазу может показаться, что Юрий Еремин решил повторить былой успех зоринской «Варшавской мелодии», поставленной в Театре имени Пушкина Виктором Гульченко с Верой Алентовой и Игорем Бочкиным, — тогда старая пьеса всколыхнула публику, обратила зрительские интересы вспять, к коллизиям советского общества, с легкой руки Гульченко «пошедшие» как общечеловеческие и вечные.

Спектакль нынешний («Старомодная комедия») — из тех, которые называют актерскими (поскольку актерскими всегда называют спектакли «на двоих», в которых не принято демонстрировать богатство режиссерских приемов). В нем нет сценического насилия (напротив, нарочитая бедность). Комедия Арбузова — подарок для пары хороших актеров Пушкинского театра старшего поколения — Тамары Лякиной и Юрия Горобца.

Советская история о любви главврача пансионата на Рижском взморье и его пациентки здесь теряет обычные арбузовские простодушие и сентиментальный оптимизм (свойства — часто не кажущиеся, а существенные для этой драматургии). Пожилые люди, лишенные в жизни многих радостей, вдруг обнаруживают их и понимают, что сложно, да и поздно отдаваться им сполна. Советский человек, живущий в условиях тотального дефицита (в том числе и в условиях самоограничения чувств, вынужденной узости круга общения), мучительно обретает свободу. Влюбляясь друг в друга, они влюбляются и в саму жизнь. В этом смысле неслучаен образ Рижского взморья, старой Риги: Прибалтика — самая свободная территория Советского Союза.

Мы, зрители, грустим не только грустью этих счастливых стариков. Нас жмет, распирает зависть по чистоте их чувств и чистоте игры — тому эмоциональному градусу, которого достигают так маловостребованные актеры. Актеры доброй старой школы, конгениальной драматургии Арбузова. Когда главврач пансионата понимает, что потерял Ее навсегда, он медленно приспущивает на пляжном флажке флаг Латвийской ССР. Нет тех людей, нет той страны, нет ничего для прежних отношений. На «Старомодной комедии» можно видеть и полный зал, и слезы, и зрительскую любовь.

И жаль, что не этим спектаклем Еремин закончил свою жизнь в Пушкинском театре, который ныне шатается под грузом нерешенных проблем и былых проклятий.